

*Известия
Музейного Фонда
им. А.А.Браунера*

№ 4

Том III

2006

Известия Музейного Фонда им. А. А. Браунера

Том III № 4 2006

Научный журнал

Основан в декабре 2003 г.

Выходит 4 раза в год

Свидетельство о государственной регистрации ОД № 913 от 13.12.2003 г.
Учредитель и издатель: Музейный фонд им. А. А. Браунера

Редакционная коллегия:

Д-р биол. наук Б. Г. Александров, канд. биол. наук М. М. Джуртубаев, канд. биол. наук В. В. Заморев,
канд. биол. наук Д. А. Кивганов, В. А. Кузнецов, канд. биол. наук В. А. Лобков (зам. редактора),
канд. геол.-мин. наук Б. Б. Муха, канд. биол. наук Ю. Н. Олейник (главный редактор), Л. В. Рясиков,
канд. биол. наук Н. Н. Спасская, Ю. В. Суворов, С. Г. Сычева (ответственный секретарь)

**Ответственный за выпуск
В. А. Лобков**

Рисунок на обложке М. В. Сеницы

**Адрес редакции:
Одесса, 65058, Шампанский пер., 2, Биологический ф-т ОНУ,
зоологический музей, комн. 97
тел. 8 - (0482) - 68-45-47**

© Музейный фонд им. А. А. Браунера, 2006

Одесса 2006

МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ

УДК 59:929(477.74)

В. Д. СЕВАСТЬЯНОВ, Л. В. РЯСИКОВ, Ю. В. СУВОРОВ,

Одесский национальный университет

КОЛЛЕКЦИЯ ЭМБРИОЛОГИЧЕСКИХ И СРАВНИТЕЛЬНО-АНАТОМИЧЕСКИХ МИКРОПРЕПАРАТОВ А. О. КОВАЛЕВСКОГО

Устанавливается происхождение некоторых препаратов морских беспозвоночных, предположительно собранных или изготовленных А. О. Ковалевским, которые хранятся в фондах зоологического музея Одесского университета.

Ключевые слова: микропрепараты беспозвоночных, коллекция А. О. Ковалевского

Более ста лет в фондах зоологического музея Одесского национального университета хранятся около пятисот микропрепаратов, объединяемых единицей хранения “коллекция А. О. Ковалевского”. Возможно, она была названа так в связи с наличием на пяти стёклах этикеток с надписями: “препараты А. О. Ковалевского”.

Нашей первой задачей было выяснить можно ли всю коллекцию рассматривать как коллекцию Ковалевского?

Уже предварительное рассмотрение списка таксонов животных, представленных в коллекции, показало, что это не случайные объекты, а животные – предмет глубоких исследований Ковалевского. Чтобы подтвердить или опровергнуть это первоначальное предположение, мы приняли сверку серии микропрепаратов отдельных таксонов с рисунками стадий развития этих таксонов в соответствующих публикациях Ковалевского. Казалось бы, это сложнейшая задача, поскольку В. Д. Некрасов и Н. М. Артёмов (1951) в предисловии к “Избранным работам” А. О. Ковалевского отмечают: “В некоторых случаях нам пришлось исправить ссылки Ковалевского на рисунки ввиду явного несоответствия между ссылкой в тексте и подписью к рисункам. Кроме того, буквенные обозначения, приводимые на некоторых рисунках, не соответствуют объяснениям в подписях к рисункам, либо вообще нигде не объяснимы”. Эти замечания, безусловно, усложнили точную идентификацию рисунков, но наша задача была лишь показать не детали гастролы или нервной пластинки, а лишь наличие их и на препарате и на рисунке. Например, на препарате пирсомы помимо названия таксона отмечается: продольный и поперечный разрез, разрез почки, молодая почка. Все эти детали есть на рисунках соответствующей публикации Ковалевского (1875).

В каком виде хранилась рассматриваемая коллекция?

Она состоит из 19 деревянных планшеток, из которых 14 имеют “окна” для хранения 30 стекол размером 29 на 48 мм и 5 планшеток с двумя рядами стёкол размером 24 на 68 мм. Косвенным доказательством того, что планшетки изготовлены в Новороссийском университете, является использование для изготовления их дна бланков физико-математического факультета Новороссийского университета.

Все объекты на препаратах залиты канадским бальзамом и только примерно с десятков стёкол асфальтовым лаком. По степени сохранности препаратов мы разделяем их на две половины. Первая – с названиями таксонов и дополнительными надписями на этикетках, эту половину коллекции мы в дальнейшем анализируем. Вторая – без названий таксонов на этикетках, но с различными надписями на этикетках. К этой части коллекции мы также относим стёкла залитые бальзамом, но без каких-либо этикеток. Таких стёкол около двухсот и они вмещаются в шесть планшеток. Мы оставляем эту часть коллекции для будущего анализа специалистам эмбриологам, гистологам и, возможно, энтомологам.

Следующая наша задача была определить, где и когда собирал коллекцию Ковалевский, и как она очутилась в музее университета?

О. Я. Пилипчук (1990), ссылаясь на переписку Ковалевского с Мечниковым, подчёркивает, что Ковалевский усердно собирал “демонстративные коллекции средиземноморских животных (морских ежей, голотурий, звёзд, асцидий), и “прочего зверья” и высылал их Мечникову в Одессу, избранному к тому времени доцентом зоологии Новороссийского университета”. В связи с этим было бы желательно выяснить, не имеет ли многое из “зверья” в экспозиции музея связи со сборами Ковалевского в Средиземном море и до работы Ковалевского в Одессе, и затем в Одесский период его жизни. В дальнейшем мы в ряде случаев уточняем места сбора животных.

Поскольку систематика ряда таксонов, рассматриваемых Ковалевским, в значительной степени изменилась, мы параллельно приводим их современную систему.

В частности, подтип оболочников, типа хордовых по современной систематике включает три класса: асцидий (Ascidiae), сальп (Salpae) и аппендикулярий (Appendiculariae). Прежде асцидий делили на одиночных асцидий (Monoasciadae), сложных асцидий или колониальных асцидий (Synascidae) и пиросом или огнетелок (Salpeaformes или Pyrosoma). Однако в настоящее время деление на простых и сложных асцидий потеряло систематическое значение (Виноградова, 1988).

Переходим к перечню отдельных таксонов коллекции:

Тип хордовые Chordata

Подтип оболочники или личиночно-хордовые

Tunicata или Urochordata

Kowalevsky A. 1868.

1. Anchinia – 11 препаратов, из них два с этикетками «препараты А. О. Ковалевского».

На трёх препаратах помимо названия таксона имеются надписи:

adulte compes de l'endocyle; compes de endocyle; balogl avente longitudinal endostile.

Публикация, посвященная этому таксону (Kowalevsky et J. Barros, 1883), не включена в избранные работы Ковалевского. Нет этого таксона и в “Указателе латинских названий животных” А. Д. Некрасов и Н. М. Артемов (1951). Не ссылается на эту публикацию и специалист по общей и сравнительной эмбриологии П. П. Иванов (1937).

2. Botryllus – 30 препаратов.

Дополнительные надписи: поперечный и продольный разрез, продольный разрез почки; продольный и поперечный разрез Одесса 1, появление нервной борозды, разрез щупалец; разрез зачатка почки.

Ковалевский в письме к Мечникову пишет: “Что касается Вашего удивления насчёт того, что мне развитие Botryllus кажется ясным, то это основано на том, что я работал над более разнообразным материалом и что не мог видеть у одних, видел у других”.

3. Distalpia – 14 препаратов.

Этот вид колониальной асцидии не включен в труды Ковалевского. П. П. Иванов (1937) приводит рисунок личинки, но не по Ковалевскому.

4. Didegnum – 1 препарат.

5. Pyrosoma – 30 препаратов.

Строение пиросом детально рассмотрены Ковалевским в публикации 1875 года.

6. *Salpae* – 2 препарата.

7. *Appendicularia* – 3 препарата.

Продольный разрез с рисунками; головной мозг.

8. *Amphioxus* – 30 препаратов.

Ланцетника Ковалевский характеризует как “интересную рыбку”. Этой “рыбке” посвящено четыре публикации ученого (Ковалевский, 1865; 1867; 1870; 1876). Наиболее соответствуют препаратам рисунки второй публикации. Частично сохранились две серии срезов: сер. 20 – 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 12; сер. 21 – восемь препаратов с различными номерами: задний конец; 15/3, 28, 19. Безусловно, это не все препараты, сделанные Ковалевским при изучении ланцетника.

9. *Neomenia* – 3 препарата.

С этикетками “препарат А. О. Ковалевского”. На одном из препаратов неразборчиво также *N. glosa*.

10. *Dentalium* – 6 препаратов.

Sm. 20 рисунков; 12 ч, 5 ч. утра; рисунок ширины; 4 с, 10 ч, гастрюла, 12 часов, 5 ч. утра.

11. *Chiton* – 8 препаратов.

12. *Cavolinia tridentina* – 5 препаратов.

13. *Creiseis* – 5 препаратов.

14. *Clava multicornis* – 2 препарата.

В марте 1868 года Ковалевский из Мессины пишет Мечникову: “Такого изобилия *Colenterata* и прозрачной икры моллюсков, как здесь я нигде не видел”.

15. *Gorgonia* – 13 препаратов.

16. *Argiope* – 17 препаратов.

Поперечный разрез; молодой; рисунок неразборчиво.

17. *Rhizoxenia* – 5 препаратов.

Продольно.

18. *Terebraculina*.

19. *Thoecidium* – 17 препаратов.

Личинки; обр. сред. листка; 19 зябра, их зачатки; икра.

20. *Megerlea* – 2 препарата.

“Я видел два довольно хорошо развитых глаза, они находились между жабрами” (Ковалевский, 1874).

21. *Astacus fluviatylus* – 10 препаратов.

Ковалевский, между прочим, отмечает: “Среди других ракообразных я немного исследовал некоторых десятиногих, именно *Astacus fluviatylus*, которого можно добыть на парижских рынках”. О том, что подразумевал ученый под словом “немного”, объясняет перечень надписей на рисунках: яйцо после кладки; гастрюла; обр. эндодермы; нейрула поперечный срез; бластула, поздняя стадия; вылупление, поперечный разрез; науплиус; зачатки глаза (Kowalevsky, 1889).

Часть препаратов находится в экспозиции музея, остальные хранятся в фондах и доступны для анализа специалистов.

Литература

- Абрикосов Г. Г. Плеченогие (Brachiopoda) // Жизнь животных. Т. 1 – М.: Просвещение, 1987. – С. 415-419.
Виноградова Н. Г. Тип хордовые (Chordata). Подтип оболочники или полухордовые (Tunicata или Urochordata) // Жизнь животных. Т. 11 – М.: Просвещение, 1988. – С. 256-285.
Иванов П. П. Общая и сравнительная эмбриология. – М. – Л.: ОГИЗ. Биомедгиз, 1938. – 803 с.

- Ковалевский А. О. К истории развития *Amphioxus lanceolatus* // Записки Киевского общества естествоиспытателей, 1870. – Вып. 3. – С. 327-338.
- Ковалевский А. О. Наблюдения над развитием Brachiopoda // Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. – 1874. – С. 1-40, 5 табл.
- Ковалевский А. О. *Neomenia gordonophila* // Протоколы заседаний общества любителей естествознания, антропологии и этнографии с 9 по 15 октября 1880 г. – Тип. С. П. Архипова, 1881. – С. 181-186.
- Ковалевский А. О. *Neomenia ceratophila* и *Coeloplana Metschnikowi* // Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, 1881. – Т. 37. – 4. – С. 1-5, 2 табл.
- Ковалевский А. О. К истории развития хитонов // Записки Новороссийского общества естествоиспытателей, – 1882. – Т. 8. – Вып. 1. – С. 9.
- Ковалевский А. О. Избранные работы. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 676 с. с илл; 5 л. илл. и порт.
- Некрасов А. Д., Артемов Н. М. От редакции // А. О. Ковалевский. Избранные работы. – 1951. – С. 531-535.
- Некрасов А. Д., Артемов Н. М. Александр Онуфриевич Ковалевский // А. О. Ковалевский. Избранные работы. – 1951. – С. 536-621.
- Некрасов А. Д., Артемов Н. М. Примечания // А. О. Ковалевский. Избранные работы. 1951. – С. 622-651.
- Наумов Д. М., Пастернак Д. А., Генецинская Г. А. Кишечнополостные (Coelenterata) или стрекающие (Cnidaria) // Жизнь животных. Т. 1. – М.: Просвещение, 1987. – С. 154-227.
- Пилипчук О. Я. Александр Онуфриевич Ковалевский. – Киев: Наукова думка, 1990. – 222 с.
- Расс Т. С. Тип хордовые (Chordata). Подтип бесчерепные (Acrania). Класс ланцетники (Amphioxii) // Жизнь животных. Т. 4 – М.: Просвещение, 1983. – С. 5-11.
- Kowalevsky A. Entwicklungsgeschichte der einfachen Ascidien // Mem. de l'Acad. d – Sci de St. Petersb. – 1866. – Ser. X, – № 15. – S. 16.
- Kowalevsky A. Entwicklungsgeschichte des *Amphioxus lanceolates* // Mem. de l'Acad. d – Sci de St. Petersb. – 1867. – Ser. 8, – № 4. – V. 11. – S. 17.
- Kowalevsky A. Weitere Studien über die Entwicklung der einfachen ascidien // Arch. f. Micr. Anat. – 1871. – Bd. 7. – S. 101-130.
- Kowalevsky A. Ueber die Knospung der Ascidien // Arch. f. Micr. Anat., – 1874. – Bd. 10. – S. 441-470.
- Kowalevsky A. Ueber die Entwicklungsgeschichte der Pyrosoma // Arch. f. Micr. Anat., – 1875. – Bd. 11. – S. 598-635.
- Kowalevsky A. Weitere Studien über die Entwicklungsgeschichte des *Amphioxus lanceolatus*, nebst einem Beitrage zur Homologie des Nervensystems der Wurmer und Wirberthiere // Arch. f. Micr. Anat., – 1876. – Bd. 13. – S. 181-208.
- Kowalevsky A. Ueber die Entwicklung der Chitonen (Vorläufige Mitteilung) // Zool. Anz., 1879. – Bd. 2, – № 37. – S. 469-473.
- Kowalevsky A. Embryogenie de Chiton Polii (Philippi) avec quelques remarques sur le développement des autres Chitons // Ann. Mus. de Hist Naturelle Zoologie, – 1883. – 1, – № 5. – P. 5-37.
- Kowalevsky A. Etude sur embryologie du Dentale // Ann. Mus. de Hist Naturelle Zoologie, – 1883. – 1, – № 7. – P. 7-46.
- Kowalevsky A. et Marion A. F. Weitere Studien über die Entwicklung der Chitonen // Zool. Anz., 1882. – Vol. 5, – № 103. – S. 61-64.
- Kowalevsky A. et Marion A. F. Etudes sur les Neomenia // Zool. Anz., – 1882. – Bd. 5, № 103. – S. 61-64.
- Kowalevsky A. et J. Baroos. Materials towards the History of Anchinia // Ann. of Nat Hist., – 1883. – 5, – V. 12. – P. 1-20.

Поступила в редакцию 10 ноября 2006 г.

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ

УДК 069.02:5(477.74)''1945/1991''

В. С. ГРЕКОВ

Украинский научно-исследовательский противочумный институт

ВЗЛЕТЫ И КРАХ ОТДЕЛА ПРИРОДЫ ОДЕССКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Автор, многие годы проработавший сотрудником отдела природы Одесского историко-краеведческого музея, делится своими воспоминаниями о сотрудниках музея, истории создания экспозиции, методах музейной работы, о причинах и обстоятельствах, приведших к закрытию отдела.

Ключевые слова: Одесский историко-краеведческий музей, музейные экспозиции

До Великой Отечественной войны я, будучи учеником начальных классов, тратил немногие копейки, выделенные мне для покупки мороженого, на билет в музей естественной природы, в котором пропадал целый Божий день, упиваясь броской невидальщиной. Тогда он находился на углу улицы им. Ленина (теперь Ришельевская) и Бебеля (теперь Еврейская). В то время этот музей был скорее кунсткамерой, и уж никак не краеведческим музеем, ибо в нем на первом этаже кроме представителей местной фауны находились чучела зверей, птиц и рыб буквально со всего света. Вероятно, вся экзотика была привезена из сафари и подарена патриотами Одессы. Не исключено также, поскольку музей располагался в старой церкви, туда свезли после Революции трофеи знатных охотников и многое из их утвари.

На первом этаже находились чучела крупных заморских хищников, умело изготовленных, в естественных позах. В правом углу у стенки стояло чучело слона, который якобы сбесился, убежал из зоопарка и был застрелен. Как не побоялся таксидермист работать с таким опасным и огромным животным? Наверно, он должен был обладать огромной физической силой, выделявая толстенную шкуру и собирая конечный результат... но, как потом выяснилось, С. В. Поздняков оказался отнюдь не богатырских статей и прежде жил в основном за счет заказов знатных охотников.

В центре нижнего зала, возле лестницы на второй этаж, была помещена очень перенасыщенная биогруппа, видимо, посвященная плавням Днестра. В ней среди сухого «зимнего» тростника на воде (стекло) «плавало» множество разных уток, на урезе стояли цапли, как бы высматривающие в воде добычу и т. д.

На втором этаже нас завораживали, прежде всего, в раскрытом специальном футляре два дуэльных пистолета с гранёными стволами, а в относительно небольших фанерных кубках, через

глазок в передней стенке, с непреходящим интересом рассматривали индейские стойбища с маленькими фигурками аборигенов, живописно расставленными среди вигвамов и пр., и пр. На стенках под выпуклыми стеклянными колпаками красовались то колибри у цветков, то отменная охотничья добыча из 2-3 птиц...

Повсюду стояла эксклюзивная мебель из трофейных оленьих рогов и пр., и пр. В общем, собрано было очень много интересного и которое порой должно было находиться в совершенно других музеях.

Прошли годы и случилось так, что, вернувшись на родину из заповедников Южного Каспия, волею судьбы в 1959 г. я стал научным сотрудником отдела природы Одесского историко-краеведческого музея! Разумеется, я не узнал в нём тот довоенный музей. Теперь он находился на улице Ласточкина 24а (теперь Ланжероновская) в помещении, где до войны размещалась игротка, и можно было детям получать разные игры и даже брать их на время домой, а до Революции – номера дома терпимости, куда навевывался в те далекие времена наш великолепный мастер-таксидермист Сергей Васильевич Поздняков. Кстати, во время оккупации румыны назначили его директором упомянутого выше музея, а при отступлении увезли лучшие экспонаты и труды всей жизни Сергея Васильевича. Говорят, он горько плакал и не мудрено! После Победы в Великой Отечественной войны румыны были вынуждены вернуть награбленное, но по ошибке почти вся экзотика попала в музей г. Николаева. Судя по всему, Одесса в лице зав. отделом, канд. сельхоз. наук Прокудиной-Сорокиной (очень дальний сводный «родственник» из Сибири, что называется 20 вода на 30 киселе – через теткиного мужа, что я не афишировал), видимо не настаивала. Областному отделу природы экзотика, в общем-то, не очень нужна, да и поместить ее в трёх выставочных залах практически негде. Было бы самым правильным вернуть экзотику домой в Одессу и передать её музею Одесского госуниверситета!

Сейчас уже не помню, по какой надобности я был командирован почти на 15 дней в краеведческий музей Николаева. Там узнал чучела заморских зверей и птиц работы С. В. Позднякова, которых буквально съедали кожееды и моль. При мне экспонаты вынесли во двор, посыпали парадихлорбензолом и спасли. Надолго ли? Не знал, как рассказать Сергею Васильевичу, о том, что видел, но по возвращению оказалось, что непревзойденный мастер умер от рака. Он полагал, что причиной предполагаемой своей смерти будет инсульт, но ошибся. Работа с мышьяком при протравке чучел видимо явилась причиной тяжелой болезни. Свой набор инструментов, помещавшийся всего лишь в портмоне среднего размера (!) завещал своему любимому ученику и бывшему юннату Эдику Гуцелю, которого дед называл гусаром за статью, красоту и почтительное отношение. Годы спустя любимчик окончил институт связи и вряд ли стал заниматься таксидермией. Но память есть память, и знатный подарок от такого мастера особый! Однако место ему в музее, потому как таким мизером можно творить чудеса таксидермии! У меня сохранился один снимок Сергея Васильевича, когда он с Вадиком Бобровским изготавливали чучела птиц. Закончив работу, молодой препаратор предоставил деду на оценку свое изделие, тот взял его в руки придиричливо оглядел сие творение и сердито сказал: «Это чучело, а не птица!» Затем присадил на ногах, поправил крылья, осадил и повернул шею, превратил в «удобоваримое» и проговорил: «Теперь, можно сказать, пойдет на тройку. Смотреть надо, как птицы выглядят в природе!» Да, покойный ныне Вадик не был охотником и, как определил мастер, не приглядывался к живым птицам! Кстати, почти все юннаты в разное время считали престижным работать препараторами в отделе природы Одесского историко-краеведческого музея как при корифее Позднякове, так и после его смерти. Когда молодежь не справлялась с работой, то приглашали им в помощь и в качестве учителя маститого препаратора Одесского университета Степана Михайлова! Мне пришлось работать с Э. Гуцелем, В. Боровским, Е. Нарижняком, Е. С. Бергером и др.

Несмотря на несправедливое распределение награбленного, кое-что из экзотики все же осталось, и мы поместили наиболее выигрышное, как придаток, как диковинки, в маленькой «школь-

ной» комнате: обезьяны, носы меч-рыбы, рыбы-пилы, пика нарвала, альбатрос в полете, эксклюзивная мебель на трофейных оленьих рогах и пр. и пр. В общем, школьная комната (именно с таким названием она имела право на существование в краеведческом отделе музея) была небольшой, но, несмотря на это, пользовалась у посетителей, и особенно у детей, огромным успехом. В запасниках покоились: «дубовая» кожа слона, не менее самосвала трофейных оленьих рогов, дубликаты выставленных экспонатов и многое, многое другое, что никак не могло поместиться на отведенной экспозиционной площади. На мой взгляд, следовало бы в показе менее выигрышное: климат, геологию, растительность, сельское хозяйство поместить в один зал, а палеонтологию и часть не слишком объёмной экзотики во второй. К сожалению, ради улучшения отношений с Грецией школьную комнату расформировали и на ее базе организовали «Филико гетерию». Там были восковые фигуры изображающие посвящение патриотов в ряды повстанцев против Турции. Однако сей дар, за счет историко-краеведческого музея остался не принятым: экскурсии из Греции возлагали венки к дому в Красном переулке, что следовало учесть, где собственно и находился центр повстанцев, зато он явился первым шагом к уничтожению отдела природы! Разумеется, что в третьем, самом большом зале по праву представлен современный животный мир Одещины!

Конечно, смерть специалиста высочайшего класса большая потеря для музея. Удивительно, как этот изящного сложения человек умудрялся справляться с такими огромными животными как слон, львы и прочими. К тому же он был великим мистификатором: пришивал испорченному уху волка куски уха косули и наоборот и никто не мог заметить подвоха, а из местных птиц «срабатывал» заморских колибри!

Однако ради правды Одесский отдел природы, несмотря на отменные чучела, был не на высоком уровне в разрезе показа товара лицом. В общем, биогруппы были не на высоте. Новый директор историко-краеведческого музея Н. Н. Пустовойтенко, приступив к работе, первым делом отправил зав. отделом Березюка и научного сотрудника Грекова в командировку по лучшим музеям СССР. Итак, наше «сафари» посетило: Москву, Ярославль и Казань, где повидали прекрасные биогруппы, сделанные художниками за умопомрачительные для того времени деньги: от 7 до 15 тысяч рублей!

При осмотре музеев нас, прежде всего, интересовали как наиболее трудоемкие в показе, летние диорамы и биогруппы, и как списывалась натура с задником. От молодых парней, тем более с Украины, ничего не скрывали, но не все нам подходило. Например, красивая листва березы в результате египетского труда была вырезана из специально обработанной ткани и умело раскрашена. Травы, как правило, тоже были искусственными. Мы вникали во все тонкости этой работы, и становилось ясно, что наши штатные художники не одолеют такой работы и, следовательно, нам многое не подходит, да и таких денег на все это не дадут. Значит, многое придется решать самим, вести научные изыскания и, в общем, по одежке протягивать ножки!

До моего прихода отдел природы был не выездным: заведующий (энтомолог), и две женщины (ботаники), обремененные детьми трудного возраста, препаратор С. В. Поздняков, кассир А. Гвоздик и уборщицы. Конечно, очень неудобно говорить об этом, но я как холостяк, мог позволить себе выезды в природу и, таким образом, мое присутствие в штате отдела стало как бы катализатором: был заложен на северо-востоке Одессы по лесополосам 10-ти километровый феномаршрут, который я проходил раз в неделю, а в периоды весеннего и осеннего пролетов птиц – дважды. Полученные данные использовались в экскурсиях по музею, и для пополнения экспозиции добывались разные животные. Накапливался научный материал, который публиковали в сборнике «Орнитология», в трудах Всесоюзных орнитологических и маммалиологических конференций, на первом Совещании по куликам и других... При изучении питания ряда птиц-энтомофагов большой вклад внес И. В. Березюк, который стал нашим соавтором в ряде совместных статей. Изучая питание вальдшнепа на пролете, было впервые высказано, что эта зондирующая дожде-

вых червей птица, собирает насекомых с поверхности! В дальнейшем при передержке, повредившей крыло птицы наблюдали как она собирает червей выпущенных на пол. Кроме того в местной печати публиковались заметки по фенологии. В связи с этим ко мне пришел Ю. Е. Волянский и попросил не давать точных координат колоний птиц, особенно на островах, расположенных в «плавнях» пересыпи Тилигульского лимана. Вскоре благодаря стараниям Л. Ф. Назаренко там была организована биостанция Одесского госуниверситета, функционировавшая в период размножения чаек и куликов. Был также и смешной случай: рыболов и охотник сообщил, что в Кодымском ставке появился настоящий «Змей Горыныч» и просил срочно приехать. Н. Н. Пустовойтенко, опасаясь стать посмешищем, срочно отправил в Кодыму читать лекции группу историков и 2-х сотрудников отдела природы и оказался прав: просто автор письма хотел прославиться! Как бы там ни было, отдел природы зажил полнокровной жизнью!

Наряду с этим мы приступили к изготовлению современных био групп. Сначала сделали наиболее простые: «Дно Одесского залива» и «Птицы обрывов», поскольку у нас были чучела черноморской колючей акулы-катрана, скатов и птиц, затем – «Дно озера», для чего научились делать чучела пресноводных рыб, у которых без обработки глицерином, чешуя становилась «дыбом»! Для создания видимости «глубины» пространства слегка заматировали вставленную внутрь пленку.

Будучи членом фотоклуба «Одесса», я познакомился и, когда в музее освободилось место фотографа, на свой страх и риск рекомендовал выдающегося «цветника», прекрасного экспериментатора, делящего на городской выставке 1 место с фотографом из знаменитого института имени Филатова! Если ортодокс из Института имел в высококласной лаборатории возможность работать по жестким температурным рекомендациям фирм, предусматривающим разброс температур не более чем в полградуса, то наш экспериментатор работал в любой сезон года при обычной температуре и получал аналогичные результаты, о чем свидетельствуют равнозначные оценки работ этих цветников на городской выставке. Когда Пустовойтенко посмотрел работы претендента на освободившуюся должность фотографа музея, то вызвал зав. отделом Березюка и меня и спросил: «Не показывает ли он цветные работы лучших фотокорреспондентов?». И, не поверив, поосторожничал и зачислил его в музей под ответственность рекомендующего! Пришлось пообещать, что научим этого вундеркинда черно-белой фотографии!

Командировки по сбору материала планировались обычно совместно с историческим отделом. Как правило, сотрудников отдела природы выбрасывали в какой-либо точке для сбора природного материала, а историки читали лекции населению. Крайне редко командировки были специальными. В таком редком случае, вооруженные павильонной камерой, с участием нового фотографа из командировки в Савранский район привезли широкоформатные негативы, предоставившие возможность отпечатать умельцу, на рулонной фотобумаге суперфотографию в качестве задника во всю высоту стены для био группы «Лес». С этой целью были изготовлены огромные кюветы. Кроме того, вырезаны три ствола деревьев разных пород, достающие потолка. Наряду с этим, найдено трухлявое дерево с дуплом, в котором находилась колония летучих мышей, что предоставило возможность обогатить био группу «Лес» новыми сочленами биоценоза и прочее и прочее....

Пришло время сокращения штатов (?) и меня под угрозой увольнения заставили списать более 20 тысяч книг из библиотеки, что находилась в отделе природы и занимала коридор вдоль зала животных и в конце коридора примыкающую отдельную комнату. Если бы я имел представление, что это за египетский труд, то согласился бы на увольнение! Но нет худа без добра: оставшиеся 5 тысяч самых-самых нужных книг переправили в отдел истории, библиотекаршу сократили (она имеет право на существование при не менее 20 тыс. единиц, в том числе газет). Часть наиболее ценных книг удалось передать другим библиотекам города, остальные списали. После чего приглашали 3-х профессиональных счетчиков, и каждый раз получали новый результат! Остановились на последнем!

В общем, как права народная мудрость, что нет худа без добра! В появившейся комнате сам Бог велел сделать по всем новациям того времени и нашим научным изысканиям отменную биогруппу, а именно «Колониальные голенастые Днестра», никак не представленную в музее.

Сказано - сделано. Для этой цели запланировали специальную командировку на Днестр в районе Беляевки. На каюке по Турунчуку и затем ериком мы с Березюком добрались до Белого озера и в западной его части по естественной протоке проплыли до колонии голенастых, вырезали 2 куста козьей ивы с несколькими гнездами этих птиц, и все добытое двумя рейсами доставили в Беляевку, где нас ждала машина музея. Одновременно начали искать достаточное количество глицерина (дефицит) для приготовления естественного (не сморщенного) вида тростника и запланировали завоз выстоявшихся осенних растений.

Часть птиц уже была изготовлена и находилась в подсобнике, недостающую заблаговременно добыли и сделали чучела в предполагаемых позах!

Оставалась огромной сложности задача: достать бочку глицерина! Сейчас уже не помнится, как и где, но достали эту донельзя необходимую бочку, правда, технического, а потому, значительно более дешевого и темного глицерина, но нам и этот подошел, поскольку вымоченные листья обесцвечиваются и если они впитают серость, то все равно их необходимо красить и не беда!

Стенки комнаты-биогруппы обтянули левкасом. На нем приглашенные художники худфонда нарисовали тростник, правда, немного не того цвета, с которым будет согласовываться приготовленная нами фактура, поэтому больше «залётных» не приглашали. Затем мы выставили в заднем конце комнаты кусты козьей ивы и недовольные работой пришлых художников, заглянули в отдел истории знакомиться с вновь принятыми на работу молодыми ребятами. Один – высокий красавец, окончил художественную школу, а второй – невысокий, очень неброский наружности, вроде как из дремучей таёжной глубинки, не окончил художественное училище, видимо, из-за пьянки. Не доверяя внешности и дипломам, было предложено им сделать по эскизу, и выбор пал на пьющего!

Дело запущено и я уехал на несколько дней, а вернувшись был удивлен: стекло, изображавшее воду, оказалось разрисовано самыми сочными красками заката, но работа брошена в самом начале... Оказывается, коллеги Березюк и Молодецкая забраковали работу художника от Бога, он обиделся, но не стал портить того, что сделал и ушел. Стоило больших трудов уговорить его продолжить начатое, а все претензии к заказчику! Действительно, блеклая «вода» просто испортила бы биогруппу.

Более 15 дней «вымачивали», т.е. удаляли воду из созревшего тростника, затем его подвесили над фотокуветой, которая осталась после работ по биогруппе «Лес», чтобы стек излишний глицерин, и только после этого все сотрудники красили массу растений в нужный цвет. Возле смотрового окна на первом плане, на веточке белой ивы подвесили гнездо синицы ремеза, с хозяйкой у летка и биогруппа «Колониальные голенастые Днестра» получилась на славу. Перед ней всегда подолгу останавливались посетители. За такую работу не грех было бы заплатить 10-15 тысяч рублей, но не заплатили, и Бог наказал за это! Даже не оценили и не взяли на баланс!

На очереди стояли малые летние биогруппы. У нас было все: во время «лесной» экспедиции привезли кварцевый песок из Савранского района, купили сушильную печь, но все как-то были заняты и руки не доходили. Возвращаясь из очередной поездки, я увидел как Игорь Березюк и Мая Молодецкая глядят утюгами веточки с листьями французского клена для заждавшейся своей очереди биогруппы: «Иволги у гнезда». Третий утюг, что красовался на столе, был явно припасен для меня! После небольшой дискуссии гладку забраковали, так как получались плоские листья и в биогруппу, которую будут рассматривать посетители не далее чем с метра, совершенно не пригодны. Что делать? Было предложено воспользоваться сушильной печью, привезенным для этой цели кварцевым песком и осуществить объёмную сушку веточек с листьями. Результаты превзошли все ожидания: листья не потеряли форму, но оказались совершенно обесцвеченными,

как при глажке утюгами. Березюк подобрал краску, но кисточкой пользоваться нельзя - повреждается хрупкая конструкция, да и краска ложится неровно. Поэтому он развел краску растворителем и с помощью пульверизатора окрасил, но высохшая она неестественно бликовала! Выход нашлся. Еще сырую задули слегка мелкой пылью до нормального матирования. Укрепленную ветвь с гнездом штатные художники музея списали с задником, как один из сучков дерева, затем смонтировали готовые веточки на иголках с клеем и... летняя минибиограмма получилась на славу! За неё и применённое очередное НОУ-ХАУ надо было заплатить 2 тысячи рублей или хотя бы тысячу и поставить на баланс, но опять не заплатили и не поставили на баланс и в конечном итоге обрекли отдел природы на гибель. И так поступали со всеми нашими работами. Пустовойтенко все было мало. Он не отпускал меня на спортивные сборы и соревнования по стендовой стрельбе! Посему приходилось, без «акклиматизации» и пробных серий в новых условиях являться прямо с поезда на «бал», и после окончания соревнований тут же возвращаться.

Несмотря ни на что, это было золотое время отдела природы Одесского краеведческого музея, а далее все постепенно пошло на спад и в конечном итоге на уничтожение отдела!

Созревшему моему уходу из музея способствовало то, что Одесскому Институту вирусологии понадобился орнитолог, умеющий все, и с протекцией Березюка вышли на меня (вот уж поистине добрые дела наказуемы!). Сначала я работал по совместительству на четверть ставки, затем перешел в Институт на полную ставку, был в полугодовой научной морской экспедиции по маршрутам Советских судов в Юго-Восточную Азию, а по возвращению Березюк предложил: «Поезди и хватит - возвращайся!» Встретил как-то меня на Дерибасовской Николай Николаевич, и он тоже предложил вернуться, потому что работать некому? На что я ответил, что он хороший директор, но не надо было обижать меня. Вскоре его отправили на пенсию. Следующие директора, хоть Н. Н. Пустовойтенко и обижал меня, но справедливости ради они в подметки ему не годились! Как-то увидев меня, кассир отдела А. Гвоздик посетовала, что отдел рушится. При Вас в конце рабочего дня все присутствующие сотрудники отдела осматривали экспозицию отдела и если фиксировали пропажу отдельных экспонатов, планировали на следующий день замену, а зрителям залов ставили на вид. Каждую весну чучела птиц и млекопитающих, особенно, выставленные вне шкафов, проходили противоиsectицидную обработку препаратами того времени. А сейчас, подытожила она, это не делается.

Некоторое время «моё место» в музее занимал Сергей Константинович Жук, но вскоре он перешел в УООР, и в отдел природы поступила весьма подготовленный специалист в ботанике и зоологии – моя жена Татьяна Николаевна Варишева. Её, как не умеющих плавать, применяя «шоковую терапию», без предварительного знакомства сразу отправили вести экскурсии по экспозиции отдела. Мне же при поступлении в музей дали полмесяца на знакомство с экспозицией, затем комиссия в составе сотрудников: зав. отдела И. В. Березюка, научных сотрудников М. В. Молодецкой и Е. И. Пашенко заслушали меня, выставили удовлетворительную оценку и допустили к проведению экскурсий по отделу. Всё стало меняться в худшую сторону. Например, летом Н. Н. Пустовойтенко мог разрешить уйти в отпуск из-за большого наплыва экскурсий лишь одному научному сотруднику, а новый директор Котович отправил в отпуск сразу двух, оставив отдел на Варишеву. Вскоре он приказал Татьяне Николаевне открыть подвал для сноса туда биогрупп в связи с ремонтом? Поскольку она отказалась, то вызвали из отпуска Березюка, открыли подвал и... так был нанесен последний «исторический» смертельный удар экспозиции отдела природы! Конечно, историю надо знать, но экология в настоящее время пожалуй не менее важна! Березюк, предвидя крах отдела природы и печально опасный поворот событий, ушел спасаться в Одесский Литературный музей на должность хранителя фондов, и тем временем начались «ремонтные», а М. В. Молодецкая стала третьим наиболее достойным среди прочих зав. отделом природы. Все немногое, что сохранилось после «ремонтных» передано в один из южных провинциальных городов! При этом гербарии, собранные за многие годы, вообще выбросили! В это смут-

ное время моя жена оказалась свидетелем планомерного уничтожения отдела природы и, проработав около 20 лет, ушла в школу преподавать биологию. Несмотря ни на что она продолжала публиковаться, а в школе то же и с успехом готовила выдающихся учеников на Малую Академию наук с лучшими по району результатами!

Что за некомпетентный «Исторический враг» отдела природы затеял далеко идущий иезуитский план ремонтов? Бесценные биогруппы свалили в подвальную кучу и уничтожили, ибо они ничего не стоят, на балансе не числятся! Разобрали биогруппу «Колониальные голенастые Днестра» и... комнату, где она находилась, продали соседям! Кто именно?! Говорят завхоз? Отдел природы, где мы летом изнывали от 10-15 экскурсий в день на научного сотрудника, уничтожен, вместо него – «Выставочный зал». Конечно, он приносит некоторый доход, но выросшие за это время «новые» профаны в экологии загадили все Приодесье! Ох, какие большие денежки, никак не сравнимые с выставочными, придется затратить на очищение окружающей нас природы!

Вот так родился, достиг апогея и оказался уничтоженным за последние полвека отдел природы Одесского историко-краеведческого музея, который всегда был «исторической» золушкой, но не как в сказке, а с трагически плохим концом. Надо сказать, что штат отдела истории был значительно обильнее и из плеяды историков в мою бытность вышли 2 кандидата наук, которые тут же перешли на работу в другие организации. Без отдела природы музей теперь потерял статус краеведческого. Трудно сейчас подобрать ему подходящее название. Скорее он тянет на Одесский исторический и не более! Было время, когда в каждом райцентре организовывали краеведческие музеи, а теперь в областном центре Одессе нет такого! Удивительно, но создается впечатление, что над Одесскими естественными музеями витает злой дух. Мне, конечно, очень жаль затраченного времени и трудов, но я не буду плакать как Сергей Васильевич Поздняков, истративший на музей всю жизнь! Просто жаль не только себя, но и тех, кто лишен теперь экологического воспитания!

Поступила в редакцию 21 октября 2006 г.

ДЕЯТЕЛИ НАУКИ

УДК 59:929(477.74)

Л. В. РЯСИКОВ, Б. Б. МУХА, Ю. В. СУВОРОВ

Одесский национальный университет

ПРОФЕССОР ИВАН ЯКОВЛЕВИЧ ЯЦКО
(1896 – 1978)

Описан жизненный путь известного палеонтолога и геолога, профессора И. Я. Яцко, его находки и открытия в области палеонтологии и палеозоологии, геологии, сотрудничество с известными учеными страны.

Ключевые слова: палеонтологический музей, Одесский университет, катакомбы, наяды, унианиды.

Есть люди, которые, уходя из жизни, оставляют после себя яркий след, долго остающийся на горизонте человеческой памяти. Среди выдающихся учёных-палеонтологов и геологов, работавших в разные периоды исторического развития Одесского (Новороссийского) университета, к таковым в полной мере можно отнести профессора, доктора геолого-минералогических наук – Ивана Яковлевича Яцко. Именно его считали талантливым и последовательным продолжателем славных традиций Новороссийской школы исследователей неогеновых толщ Северного Причерноморья, родившейся и развивавшейся в стенах классического университета нашего приморского города (Очерки развития науки в Одессе ..., 1994).

Согласно архивным документам Иван Яковлевич Яцко родился 7 июля 1896 года (Архив ОНУ ...), хотя исследователь Ю. А. Амброз указывает другую дату: “24 липня 1896 р.” (Амброз, 2000, с. 441).

Его семья относилась к крестьянскому сословию, но принадлежала к той его части, которая не смогла получить в собственное владение землю ввиду своей бедности.

Его отец – Яков до 1917 г. летом работал батраком в поместье известных на юге Украины землевладельцев-меценатов Фальц-Фейнов, а в зимний период, после завершения сельскохозяйственных работ, регулярно нанимался рабочим в шахтные рудники Кривого Рога (Амброз, 2000).

Иван Яковлевич в период 1908 – 1910 гг. обучался в начальной школе, где за два класса смог получить начальное образование. А затем пять лет, помогая родителям, занимался земельными работами по найму. Одновременно с августа 1911 г. по май 1915 г., Яцко учился в Ново-Бугской учительской семинарии, которую окончил по специальности “учитель народной школы”.

© Л. В. Рясиков, Б. Б. Муха, Ю. В. Суворов, 2006 г.

В августе 1915 г. по Указу императора Николая II Иван Яцко был призван в состав вооруженных сил Российской империи. Его сразу же направляют для обучения в Одесскую школу прапорщиков, которую он успешно закончил в мае 1916 г. Позднее он продолжает службу в царской армии, хотя наиболее вероятно, что в боевых действиях на фронтах первой Мировой войны Иван Яковлевич участия не принимал.

В декабре 1917 г. И. Яцко, в звании прапорщика покидает, разваливавшуюся царскую армию, возвращается в родное село и работает учителем с января 1918 г. до марта 1920 г. (Архив ОНУ...; Амброз, 2000).

Интересным для современников является и такой необычный факт из его автобиографии. Во второй половине 1919 г. южная часть Украины была временно захвачена войсками генерала Деникина. В этот период Иван Яковлевич продолжал работу в народной школе, обучая сельских детей. И хотя Яцко не был связан с красным подпольем, на него в контрразведку Добровольческой армии был направлен донос, в котором народного учителя Яцко обвиняли в том, что он якобы систематически помогает большевистскому подполью. В результате появился приказ о его аресте. Но Ивану Яковлевичу Яцко удалось бежать, а затем и скрываться от контрразведчиков до освобождения этого района войсками Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Однако в автобиографии от 18.02.1952 г. И. Я. Яцко указал, что в период Деникинского правления он являлся членом боевой организации “Самооборона” (Архив ОНУ ...).

С марта по июль 1920 г. Яцко – заместитель заведующего отдела работы с иностранными поданными Херсонского УРЕВКома. С июля по ноябрь 1920 г. Яцко занимал должность заведующего внешним отделом УОНО (Уездного отдела народного образования) в Херсоне.

С ноября 1920 г. по октябрь 1921 г. Иван Яковлевич работает председателем комитета по ликвидации безграмотности в г. Алешки, а с октября 1921 г. по январь 1922 г. занимает должность секретаря учебного отдела работников образования г. Алешки. Позднее Яцко становится заведующим отделом культуры Угрофбюро, этого же города (Архив ОНУ ...).

В 1922 г. И. Я. Яцко переехал в Одессу, где стал студентом естественного отделения Института народного образования (ИНО). Здесь он обучался до октября 1925 г. Успешно завершив учёбу, он получил диплом учителя. С октября 1925 г. по январь 1926 г. преподавал в трудовой школе в Одессе. Однако эта работа мало привлекала Ивана Яковлевича т.к. он хотел серьёзно совершенствовать свои знания по геологии и палеонтологии, которые приобрёл в ИНО, под руководством профессоров А. К. Алексеева и Е. А. Гапонова (Амброз, 2000).

С января 1926 г. по сентябрь 1929 г. Яцко – аспирант кафедры геологии и географии ИНО. Этой кафедрой заведовал известный исследователь северо-западного Причерноморья, геоботаник – профессор Г. И. Танфильев. Главным геологом кафедры был профессор А. К. Алексеев, который и стал научным руководителем Яцко. Именно тогда Иван Яковлевич начал осуществлять самостоятельные геологические полевые исследования.

В 1928 г. в Записках Одесского (Новороссийского) общества естествоиспытателей Яцко была напечатана, первая научная работа “Заметки о новых данных для сармата окрестностей города Рыбницы”.

После завершения обучения в аспирантуре, Иван Яковлевич стал работать ассистентом кафедры геологии в Институте Профессионального образования (ИПО), образованного в Одессе после очередной реорганизации ИНО. С апреля 1931 г. он стал заведовать этой кафедрой, в должности доцента. Одновременно Ивану Яковлевичу поручили чтение лекций по геологии и в других вузах нашего города: строительном институте и институте водного транспорта (Амброз, 2000). В этот период он продолжает активные самостоятельные научные геологические исследования, результатом которых стали две новые работы: “Децилька слів про умови залягання Крейдяних фосфоритів на Ізюмщині” (1930); “Матеріал з геолого-розвідних робіт 1930 р. на м. Комитив фосфоритовому родовищі” (1931).

В 1929 г., в Одессе на базе ранее существовавшей научно-исследовательской кафедры биологии был основан Одесский филиал научно-исследовательского Зоолого-биологического института. Директором филиала стал академик Д. К. Третьяков, его помощником – Д. И. Склярчук, а учёным секретарём – профессор Л. И. Рубенчик.

В составе филиала Зообина было четыре сектора:

1. Морфологии и экспериментальной зоологии;
2. Фаунистики, экологии и микробиологии с приморской Биостанцией;
3. Общей физиологии;
4. Зоопалеонтологии.

Последний сектор возглавлял, как научный руководитель, профессор Е. А. Гапонов, научным работником первой категории был доцент И. Я. Яцко, а ассистентами – Склярчук, Штрекер, Зизе (Третьяков, 1932). В 1931 г. Яцко становится заведующим отделом палеонтологии в этом институте (Амброз, 2000).

По решению правительства УССР и наркомата народного образования в 1933 г. были восстановлены университеты в Киеве, Харькове и Одессе, закрытые в 1920 г. В Одесском университете Яцко работал с августа 1933 г. по август 1941 г. доцентом кафедры геологии.

11.04.1934 г. квалификационная комиссия Наркомата просвещения присуждает И. Я. Яцко звание доцента (диплом № 018823 от 07.03.1946 г.), а 31.12.1935 г. – звание кандидата геолого-географических наук (диплом № 06427 от 01.08.1949 г.) (Архив ОНУ ...).

В этот же период времени у И. Я. Яцко появляются первые ученики и истинные продолжатели его практических изысканий. Среди них особо следует выделить имя талантливого исследователя катакомб Одессы – Тимофея Григорьевича Грицай. Именно к Ивану Яковлевичу Яцко, молодому ассистенту кафедры геологии ИНО, по рекомендации академика Д. К. Третьякова, Тимофей Грицай начал обращаться за советами и консультациями.

Первые специальные экспедиции, организованные Т. Грицаем в Одесские катакомбы в 1928-1929 гг. и 1930-1931 гг. принесли много ценных палеонтологических сведений. В ходе их осуществления были найдены, в том числе и лично Грицаем, множество интересных находок, которые показали уникальность знаменитых катакомб Одессы. А это ставило перед учёными множество перспективных проблем по их дальнейшему изучению и описанию.

И. Я. Яцко правильно оценил научное значение находок Т. Грицай, в подземных лабиринтах катакомб Одессы, и решил обратиться с предложением о дальнейших поисках к академику Д. К. Третьякову.

Инициатива и настойчивость молодых исследователей И. Я. Яцко, Т. Г. Грицай, Д. М. Склярчук, плюс творческая помощь и поддержка учёных Одессы и Киева дали положительный результат. По решению Президиума Академии Наук УССР с 1936 г. по 1941 г. в катакомбах Одессы работала научная экспедиция, которую возглавлял академик Д. К. Третьяков, учёным секретарём был доцент И. Я. Яцко. Практическую часть экспедиции осуществлял Т. Г. Грицай. Усилиями многих людей, к осени 1941 г., экспедиция была успешно завершена (Грицай, 1965).

Ещё в 1928 г. сформировалось понятие – “фауна одесских катакомб”. Тогда было установлено, что в Одессе, в пределах городской черты, кроме каменоломен, называемых “катакомбами”, на глубине 10-25 м от современной поверхности в толще известняков имеются пещеры. Эти естественные подземные галереи в ряде случаев заполнены красно-бурыми глинами с костями, принадлежащими более 40 видам животных.

Если с большой степенью очевидности можно допустить мысль об образовании пещер в районе Одессы за счёт деятельности атмосферных вод, то время их образования и заполнения, как глиной, так и костями животных однозначного решения не имеет.

Видовой состав животных, обитавших в нашем регионе миллионы лет тому назад, был установлен учёными разных научных школ из Одессы, Киева, Москвы, Ленинграда, Тбилиси и

др., причём здесь присутствуют виды животных, характерные как для местностей со степным и полупустынным климатом, так и с более влажным. Из карстового аллювия были определены, кроме костей хищников, ещё кости и зубы молодых овернских мастодонтов, верблюдов, пищух, газели, барсука, слепыша, зайцев, бобра, хомяка, полёвок, мышей, страуса, птицы, подобной ма-рабу, птицы, близкой к гагарам, куропаток и т.д. Особенно многочисленными оказались кости верблюдов (Третьяков, 1941).

Эта информация известна большинству учёных-палеонтологов, занимающихся изучением позднеэоценовых млекопитающих Северного Причерноморья. Но только единицы знакомы с публикацией профессора И. Я. Яцко 1959 г. (сенсационной в те годы), в которой одесский учёный кости верблюдов и страусов с признаками обработки определил как инструменты с функциональным назначением – резанием, скоблением и т.п. Говоря о возрасте, а точнее времени изготовления этих орудий, И. Я. Яцко (по палеонтологическим и геологическим данным) отнёс их к концу среднего – началу позднего плиоцена, что значительно старше времени существования не только синантропа, но и питекантропа. Подобного типа выводы были сделаны другим одесским учёным Д. К. Третьяковым ещё в 1941 г. (Муха, 2005).

В довоенные годы И. Я. Яцко осуществил более 100 различных геологических исследований в границах современной Украины. Их целью было определение мест полезных ископаемых и подземных вод. Особо следует выделить его участие в геологической съёмке побережья Чёрного моря от Сухого лимана до Днепра. Здесь он активно занимался изучением геологического строения и проявлениями современных геолого-морфологических процессов на побережье (Амброс, 2000).

Необходимо отметить и такой важный элемент его исследований, как практическая работа по изучению характера оползневых явлений вблизи Одессы. Эти изыскания выполнялись Яцко особенно активно, когда он по совместительству работал на Одесской стационарной противооползневой станции Наркомата геологии УССР. Нарботанные им практические материалы были использованы в 1940 г., при составлении первой Генеральной схемы противооползневых мер побережья Одессы научным коллективом во главе с профессором А. М. Дранниковым (Амброс, 2000).

22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная Война. Она разрушила мирную жизнь большинства трудовых коллективов, и семей. Однако, буквально накануне начала войны в печати появились две научные работы доцента И. Я. Яцко: “Про вертикальний розподіл фауни молюсків у понтичних відкладах околиць м. Одеси” та “Поклади балтського ярусу в межах Тульчинщини”. А важная статья “Гидрологические исследования в связи с водоснабжением г. Николаева”, как и работа “Главнейшие минеральные источники Приазовья”, подготовленные в 1941 г., к сожалению, так и не вышли в свет (Архив ОНУ ...).

Уже в июле 1941 г. доцент Яцко, в месте с семьёй и частью коллектива ОГУ, был эвакуирован в Среднюю Азию. В Ташкенте – столице Узбекской ССР И. Я. Яцко получил назначение от Наркомпроса для работы в должности доцента кафедры геологии и географии учительского института г. Андижана. С 1 сентября 1942 г. И. Я. Яцко, был назначен заведующим этой же кафедры (Амброс, 2000).

В этот период он работает не только как педагог и организатор учебного процесса, но и проводит научные исследования, касавшиеся изучения геологического строения и поисков полезных ископаемых Андижанской области Узбекистана. Накопленного им научного материала хватило для написания сразу двух статей, к сожалению, тоже не опубликованных: “Геологическое обоснование постройки завода в г. Андижане Узбекской ССР” (1942) и “Геология и полезные ископаемые Андижанской области Узбекской ССР” (1943).

С 13 июля 1944 г., по распоряжению ВКВШ доцент Яцко был вновь направлен в распоряжение ОГУ (Амброс, 2005). Из Андижана И. Я. Яцко возвращается в Одессу, освобождённую

10 апреля 1944 г. Доцент Яцко прибыл в Одессу раньше, чем весь коллектив ОГУ, который находился в Байрам – Али, (Туркмения).

В письме к академику Третьякову от 10 мая 1942 г. из Майкопа в Уфу их коллега В. А. Горецкий сообщает следующий факт: "... Яцко Иван Яковлевич собирался ехать к нам" (Академик Д. К. Третьяков, д. 119).

После возвращения ОГУ, в период 1944-1951 гг., И. Я. Яцко продолжал работать на кафедре гидрогеологии и палеонтологии в должности доцента, совмещая учебную работу с научно-исследовательской деятельностью. В этот период у Яцко появились трудности с публикациями значительного по объёму научного материала, который ему удалось накопить и обработать. Этот факт нашел своё подтверждение в письме профессора Гапонова из Одессы к Д. К. Третьякову в Киев от 30 апреля 1945 г.: "...Приехавший из Киева Рошин А. Д. говорит, что возможность печатать материалы у Вас в Зообине очень ограничены и что для Одессы Вы не можете уделить ни одного листа. Так ли это? Как мы с И. Я. Яцко считаем, при таком положении материалы по катакомбам опять станут достоянием архивов..." (Академик Д. К. Третьяков, д.118).

В 1946 г. доц. Яцко был награждён медалью "За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.", а позже и специальной правительственной наградой – медалью "За трудовое отличие" (Архив ОНУ...).

С 1952 г. по 1960 г. доц. Яцко был исполняющим обязанности заведующего кафедрой, общей геологии и гидрогеологии. В 1961 г. в институте геологии АН УССР Яцко успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора геолого-минералогических наук на тему: "Континентальные неогеновые отложения юга УССР и униониды этих отложений" (диплом № 000109, выданный ВАК СССР от 15 сентября 1962 г.) В 1963 г. ВАК СССР, присвоил ему звание профессора кафедры геологии, заведующим которой он стал после избрания в сентябре 1964 г. (Архив ОНУ...; Амброз, 2000). Когда было восстановлено геологическое отделение геолого-географического факультета ОГУ, то с 1965 г. профессор Яцко был утверждён заведующим кафедрой геологии и петрографии. В 1972 г. на базе этой кафедры была открыта кафедра общей и морской геологии, которой профессор Яцко заведовал до 1977 г. пока не перешел на должность профессора-консультанта (Амброз, 2000).

В научном плане интересы профессора Яцко были разносторонними и разнонаправленными. Иван Яковлевич был продолжателем одесской школы неогенщиков, занимался проблемными вопросами стратиграфии и палеонтологии неогеновых отложений северо-западного Причерноморья Украины. Основными окаменелостями для определения возраста образования неогеновых отложений Причерноморья он считал мягкотелых из родов и подродов унионид. Его именем названы пятнадцать представителей рода унионид. В монографии "Наяды верхнего кайнозоя юго-запада Украины" (1972). И. Я. Яцко дал систематику наяд, сравнивая её с таковой в странах Западной Европы, Российской Федерации, Северной Америки и Восточной Азии.

И. Я. Яцко, как профессор-палеонтолог, длительное время являлся научным куратором Палеонтологического музея ОНУ. Он подарил Палеонтологическому музею ОНУ им. И. И. Мечникова очень большую и необычайно ценную в научном плане коллекцию унионид, которая сохраняется там по настоящее время.

И. Я. Яцко много времени уделял изучению проблемы оползней на морском побережье Черного моря, занимался и проблемами палеогеографии. Так, на основе изучения древних мягкотелых из аллювия он установил направление древних рек Причерноморья в границах низовий и шельфа Чёрного моря на протяжении неогена, реконструировав речную сеть позднечетвертичного времени в северо-западной части шельфа Чёрного моря.

Под руководством профессора Яцко было защищено десять кандидатских и четыре докторские диссертации (Амброз, 2000). Иван Яковлевич Яцко явился создателем собственной научной школы геологов и палеонтологов.

Среди учеников профессора Яцко следует назвать таких учёных – В. А. Горецкого, И. А. Одинцова, Н. М. Ильницкую, Б. Б. Муху, В. В. Янко, А. Н. Хубку и др.

Возвращаясь к событиям прошлого века, следует указать, что до начала 1960-х годов географический факультет находился в Главном корпусе ОГУ по адресу: Петра Великого, 2 (ныне улица Дворянская). Кстати, в бывшем СССР были только два города, названия улиц которых были связаны с именем великого реформатора России – Петра I: в Одессе и Ленинграде.

Палеонтологический музей занимал площадь всего углового комплекса 3-го этажа. Позже, при ректоре В. В. Сердюке ликвидировали Геологический кабинет: книги переместили в “профессорскую”, а из помещения сделали аудиторию для занятий быстро развивающегося механико-математического факультета. Позже у музея забрали в аудиторный фонд ещё одну комнату, в которой находились рабочие места заведующего музеем Б. Б. Мухи и зав. Подземным заповедником Т. Г. Грицай. Функционально, при организации музея, в этом помещении находилась пре-параторская, которая была оборудована вытяжным шкафом.

По воспоминаниям одного из авторов статьи Бориса Борисовича Мухи в профессорской комнате в те годы находились столы проф. Е. А. Гапонова и проф. И. Я. Яцко. Иван Яковлевич, намекая на преемственность, как-то показал: “За этим столом сидел Алексей Карпович Алексеев – мой учитель, профессор, а за другим – Владимир Дмитриевич Ласкарев, – геолог, палеонтолог, академик”. Это были два светила геологической науки, от упоминания имен которых появлялось чувство сопричастности истории, и Её величества Науке, живая связь поколений”.

Иван Яковлевич, если не был занят научной работой или чтением лекций, любил приходить к рабочему месту Т. Г. Грицай попить чай с сухариками, которые мастерски готовила Екатерина Ивановна Прокопенко, сотрудница Грицай.

– А вы знаете, Борис, – обращался он к заведующему музеем, – когда я был студентом, меня часто приглашал пить чай с сухариками Гавриил Иванович Танфильев ...

Мы изучали азы науки по трудам Г. И. Танфильева, а его ученик и наш учитель Сергей Тихонович Белозоров, был частым гостем Ивана Яковлевича. Обращались они, один к другому не иначе, как “друг Ваня” и “друг Серёжа”. Оба невысокого роста, летом в светлых костюмах и соломенных шляпах, которые они приподнимали, здороваясь с приветствующими их студентами. Они, во всяком случае мне, казались глыбами на фоне остальных сотрудников университета, средоточием мудрости и глубоких знаний ... Подобное чувство возникало лишь при встрече с ректором университета – Александром Ивановичем Юрженко, химиком, высоченным, более 2-х метров ростом, глядя на которого возникала мысль: университет имени Мечникова – лучший вуз Одессы. Как хорошо, что я в нём учусь!

Иван Яковлевич обладал тонким чувством юмора и феноменальной памятью, всегда говорил тихо, умел скрывать чувства. Не могу припомнить случая, чтобы он был раздражен и повысил голос.

В помещении профессорской при Яцко оба стола с огромными столешницами (стол Алексеева и Ласкарева) были заняты коробками с образцами пород, раковинами моллюсков, фрагментами челюстей и костей ископаемых млекопитающих ... и ни одной этикетки. Вся информация о месте находки, авторе находки и её обстоятельствах – находились в памяти И. Я. Яцко. А надо сказать, что это были образцы, которые либо не укладывались в существующие научные каноны, либо существенно дополняли те или иные аспекты палеогеографии, истории фаун, биостратиграфии. Возраст находок Иван Яковлевич определял сам.

По этим причинам, все эти артефакты были потеряны для науки после смерти И. Я. Яцко и были позднее использованы как экспонаты учебных коллекций либо переданы в школьные музеи без указания места находки.

Помнится, как-то за помощью в определении находки обратились местные археологи, Яцко повертел в руках косточку и, не заглядывая в справочники, тут же вынес “Вердикт”: “Это изделие из седьмого шейного позвонка свиньи. Возможно, использовалось как пряжка или заколка ...”.

Как-то я решил проверить точность видового определения моллюсков. Иван Яковлевич вид моллюска не назвал, но указал возраст находки:

– Это – Меотис. А это – из другого месторождения – Древний эвксин. А знаете, Борис, я ведь свою трудовую деятельность начинал столяром-краснодеревщиком...

Это означало, что сегодня Иван Яковлевич был расположен обратиться к воспоминаниям. А помнил он много, и в деталях ....

К большому сожалению, я в молодости полностью полагался на память, не записывал ни многочисленные рассказы Т. Г. Грицаца, ни И. Я. Яцко.

От Грицаца можно было что-то услышать ещё, во время экскурсии в пещеры со студентами, курсантами, гостями университета или города, Яцко ни разу не повторялся.

Иван Яковлевич помнил выступление В. В. Маяковского в помещении оперного театра, рассказывал о том, что в университете была традиция: ещё в царское время студенты за свои деньги содержали политического руководителя, который отстаивал студенческие права перед администрацией. Во время учебы Ивана Яковлевича таким политиком был “Яшка – большевик”. Кличка это была, или псевдоним, я тогда не уточнял. Но негативное отношение Яцко к этому человеку сквозило в описании: всегда в шинели, небритый и в грязных сапогах.

Рассказывал Иван Яковлевич и о стипендии тех лет, точнее о том, что он получал: вязанка дров для отопления, бутылка керосина для лампы, бутылка подсолнечного или конопляного масла, сушеная вобла, хлеб или сухари были не всегда, несколько раз давали мешочек муки ...

Подспорьем в питании были талоны на питание, которые обеспечивали раз в день горячую пищу. Организовала это, говоря современным языком, какая-то общественная организация. Выдавали талоны всем, или доставали их по знакомству, он не говорил.

Формально проф. И. Я. Яцко считался моим научным руководителем. Я тогда начал описывать скелет гребнезубого мастодонта, обнаруженного в Ананьевском районе. Раскопки были проведены под руководством Т. Г. Грицаца. Описанию предшествовала длительная работа по препарированию – очистке костей механическим путем (с помощью зубила и молотка) от перекристаллизованного песчаника, который в виде своеобразной рубашки покрывал большую часть костей посткраниального скелета. Более двух лет скульптор П. Г. Иванов, лаборант музея М. И. Благодаров и периодически – заведующий музеем Б. Б. Муха начинали рабочий день с очистки костей от вмещающей породы, а затем – с поиска отсутствующих фрагментов среди расколовшихся костей, их склеивания, определения места в скелете.

Никаких рекомендаций от И. Я. Яцко, в этот период работ не поступало, как и в период монтирования скелета. Всё это “взвалил” на себя скульптор музея – Павел Григорьевич Иванов.

Когда монтирование костей подходило к концу, появилась моя первая статья о строении шейного отдела позвоночного столба мастодонта, Иван Яковлевич порекомендовал: “Если Вы докажете, что, допустим, мастодонт, сильнее мамонта в два раза, ваша работа будет настольной книгой” ...

Все мои попытки осмыслить и описать результаты наблюдений по поставленной задаче у коллег старшего поколения вызывали, мягко говоря, недоумение. Это продолжалось до тех пор, пока мой негласный куратор из Геологического института АН СССР мне не сказал: “Вы нашли кости, или мясо? Кости! Вот и занимайтесь описанием костей!”.

Каким-то образом это стало известно Яцко, и он сделал мне замечание: “Что Вы по Союзу милостыню собираете!”.

В следующий раз проф. И. Я. Яцко предложил мне заняться изучением механизма формирования зубов мастодонтов. Потребовалось изготовить приспособление, чтобы можно было алмазной пилой (благо, что такие отрезные диски появились в специализированных магазинах) делать срезы зубов. Возникла нужда в новых находках зубов мастодонтов, поиске шлифовальных паст и прочего. После всего Яцко спросил: “Чем закончились Ваши два геохимических года?”.

Диссертацию я защитил после смерти И. Я. Яцко, в Киеве, в Институте геологических наук. Ивану Яковлевичу я всё-таки благодарен за то, что он приучил меня самостоятельно ставить научные задачи, решать их самостоятельно и масштабно мыслить... Задачи, поставленные им, были решены (в силу моих возможностей) и в диссертации изложены на трех страницах.

Иван Яковлевич обладал прекрасными организаторскими способностями. Это ему и Льву Борисовичу Розовскому должен быть обязан университет им. И. И. Мечникова, ровно, как и многие выпускники, в открытии в ОГУ геологической специальности. Правда, разговор тогда шел о морской геологии. Правда и то, что Л. Б. Розовский видел необходимость в такой специальности с позиций сооружения инженерных объектов на побережье (была открыта при ОГУ лаборатория такого направления), а И. Я. Яцко понимал морскую геологию в Одессе для решения вопросов биостратиграфии и поисков месторождений полезных ископаемых.

В период 60-70-х годов, профессор Яцко возглавлял Совет по защите диссертаций на геолого-географическом факультете, являлся членом Международной ассоциации по изучению четвертичного периода (INQUA), принимал деятельное участие в международных геологических коллоквиумах по изучению фауны Тираспольского гравия, границе неогена и четвертичного периода (Тирасполь, 1969; Одесса, 1972). Кроме этого он был членом редколлегии "Трудов Одесского государственного университета (серия геология и география)", выходящих в свет в 50-60-х гг. XX столетия.

И. Я. Яцко был инициатором основания и ответственным редактором республиканского научного сборника "Геологія узбережжя дна Чёрного та Азовського морів у межах УРСР", восемь выпусков которого вышли в свет с 1967 г. по 1975 г.

В 1965 г., в связи с празднованием 100-летнего юбилея ОГУ им. И. И. Мечникова, профессор И. Я. Яцко за многолетний преподавательский труд, большую научную и исследовательскую работу, указом Верховного Совета УССР был награжден Почётной грамотой Президиума Верховного Совета УССР (Архив ОНУ ...). Среди наград, которыми был награжден профессор Яцко, следует отметить и две золотые медали ВДНХ СССР (Амброз, 2000).

Профессор Яцко поддерживал тесные научные связи со многими известными учёными-зоологами Одессы: академиком Д. К. Третьяковым, член корреспондентом АН УССР, профессором Н. А. Савчуком, заслуженным деятелем науки УССР, профессором И. И. Пузановым, которых всегда ценил за академизм, высочайший профессионализм и отличные организаторские способности. А с профессорами ОГУ – Третьяковым и Пузановым всегда обменивался новинками науки, считая их последними энциклопедистами в научном мире Одессы того периода.

Иван Яковлевич Яцко скончался 8 июня 1978 г. из-за острого приступа сердечной недостаточности, и был похоронен в г. Одессе на втором Христианском кладбище. Однако память о нём навсегда сохранится среди благодарных учеников, последователей и почитателей.

Профессор И. Я. Яцко был автором более 300 научных работ, лишь 40 из которых были опубликованы, остальные в виде рукописей, вероятно, хранятся в семейном архиве.

Наиболее полный список научных работ профессора И. Я. Яцко приведен его коллегой доц. Амброз Ю. О., в статье о нём, опубликованной в монографии "Профессори Одеського (Новоросійського) університету" (2000).

Литература

Архив ОНУ им. И. И. Мечникова. Отдел кадров. Документы личного дела профессора И. Я. Яцко. Ед. хр. 150.

Амброз Ю. О. Яцко Иван Якович. Геолог, палеонтолог // Профессори Одеського (Новоросійського) університету. Біографічний словник. Т. 4. Р – Я. – Одеса, 2000: Астропринт. – С. 441-445.

Академик Д. К. Третьяков (1878-1950). Письма. Фонд 174. Опись 1. Дело 118. – Л. 3-4; Дело 119. – Л. 8-9.

Грицай Т. Г. Сквозь вражеское кольцо // Рабочая газета. Киев. – 1965. – 21 мая.

Муха Б. Б. К истории палеонтологического музея Одесского национального университета им. И. И. Мечникова // Известия Музейного Фонда им. А. А. Браунера, 2005. – Т. II. – № 4. – С. 1-10.

Очерки развития науки в Одессе. – Одесса Маяк, 1994. – С. 236-237.

Третьяков Д. К. Одеська філія науково-дослідного зоолого-біологічного інституту. – Одесса, 1932. – С. 3-6.

Третьяков Д. К. Третичная фауна одесских катакомб // Известия АН УССР, 1941. – № 1. – С. 94-106.

Яцко І. Я. Про знахідки в пліоценових карстових печерах в м. Одесі уламків кісток зі слідами незвичайної обробки // Праці Одеського держуніверситету. Серія істор. наук, 1995. – Т. 149. – В. 7. – С. 99-109.

Поступила в редакцію 18 октября 2006 г.

Содержание

Музейные коллекции

Севастьянов В. Д., Рясиков Л. В., Суворов Ю. В. Коллекция эмбриологических и сравнительно-анатомических микропрепаратов А. О. Ковалевского.....1

Музееведение

Греков В. С. Взлеты и крах отдела природы Одесского краеведческого музея 5

Деятели науки

Рясиков Л. В., Муха Б. Б., Суворов Ю. В. Профессор Иван Яковлевич Яцко (1896 – 1978)..... 12

Наукове видання

**Вісті
Музейного Фонду
ім. О. О. Браунера
Том III № 4 2006**

Науковий журнал

Російською та українською мовами

Головний редактор Ю. М. Олійник
Відповідальний за випуск В. О. Лобков

65058, м.Одеса, Шампанський пров. 2, біологічний факультет ОНУ, зоологічний музей
тел. 8 (0482) 68-45-47

Здано у виробництво 22.11.2006. Підписано до друку 20. 12. 2006. Формат 60 ´ 84/8. Папір друкарський.
Гарнитура Times. Друк різнографія. Ум. друк. арк. 2,33. Обл.-вид. арк. 1,77. Тираж 50 прим. Зам. №
Безкоштовно

Виготовлено в копіювальном центрі «Грецький будинок»,
м. Одеса, пров. Віце-адмирала Жукова 1/9. т. 375-235